

Вера Дмитриевна Лютикова

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
ИДИОЛЕКТ И ДИАЛЕКТ**

В данной статье предпринята попытка посмотреть на носителя диалекта как на языковую личность. В центре внимания находится конкретная языковая личность – В. М. Петухова, носитель традиционного говора села Кодского Шатровского района Курганской области. Исследуемая языковая личность, имеющая природный дар к языку, создает свой идиолект как индивидуальную реализацию диалекта.

В большинстве работ по диалектологии носитель диалекта представлен или в обобщенном виде, или в одностороннем отношении, обусловленном дифференциальным подходом к проблеме (см. «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева) [Тимофеев 1971], или во фрагментарном виде в отдельных статьях, где нашли отражение некоторые черты коллективной языковой личности, в частности языковое сознание и самосознание [Блинова 1989, Пауфошима 1989; Никитина 1989]. Включение же человека в онтологию диалекта позволяет объяснить на единой методологической основе все важнейшие моменты существования диалекта, касающиеся его природы, функционального предназначения, общих принципов внутренней организации.

В центре нашего внимания находится конкретная языковая личность – Валентина Михайловна Петухова, носитель традиционного говора села Кодского Курганской области.

Определяя языковую личность как совокупность языковых свойств, присущих человеку и составляющих его языковую индивидуальность, мы отстаиваем тезис о том, что носитель диалекта, творчески пользуясь диалектом (ср. выражение «народ – творец своего языка»), в частности, его лексикой, создает свой идиолект, т. е. осуществляет индивидуальную реализацию диалекта. Положение об индивидуальном языке было выработано еще младограмматиками в XIX веке. В современном отечественном языкознании сохраняется взгляд на язык как на индивидуальное явление. Так, непротиворечивую и оригинальную концепцию индивидуального языка предложил И. С. Торопцев в своей монографии «Язык и речь», где отстаивает мысль о том, что носителем языка является каждый индивидуум. Индивидуальное, следовательно, в известной мере свойственно языку». Индивидуальный язык, как считал И. С. Торопцев, это «часть общего языка плюс возможные инновации индивидуума, еще не вошедшие в общий язык» [Торопцев 1985: 35]. Особенности индивидуального языка проявляются в речи, где может быть не выражено искомое мыслительное содержание, а следовательно, не закреплено за определенной языковой единицей. В этом случае носитель языка передает новый смысл существующими в языке словами: «Языковые средства, преобразуясь в речи, способны выразить возникающее в мыслительном (одновременно и речевом) процессе новое идеальное содержание» [Торопцев 1985: 23]. В этом процессе и таится источник развития индивидуального языка, а «общий язык развивается по мере развития индивидуальных языков» [Торопцев 1985: 41]. Итак, развитие языка осуществляется благодаря каждому носителю языка, мышление которого направлено на познание еще не познанного, на порождение новых единиц языка, пополняющих и развивающих этот язык» [Торопцев 1985: 28].

Гарри Валерьевич
КНЯГНИЦКИЙ,
выпускник 1997г.
Сейчас — журналист ГТРК
«Регион-Тюмень».

Филология, на самом деле, открывает человеку глаза, заставляет его задуматься и не делать скоропалительных выводов, а мягко и ненавязчиво искать спасения среди нескольких равноправных истин. Как говорил старик Ницше, «филология — это особого рода искусство», не терпящее поспешности. Если мы будем чаще прислушиваться друг к другу и не делать губительных однозначных выводов, якобы приводящих нас к несуществующей Правде, это спасет нас в XXI веке.

В нашем представлении, диалект существует благодаря индивидуальному языку каждого носителя, являющемуся индивидуальной реализацией диалекта. Всеобщей характеристикой языковой личности носителя диалекта является ее активность, т. е. деятельностное состояние как условие существования этой личности. В современной науке деятельность может рассматриваться как непреходящий атрибут индивидуума, при этом языковая деятельность может сама «захватывать» человека и заставлять «вести» себя определенным образом [Щедровицкий 1975: 21]. Основная функция деятельности заключается в обеспечении непрерывного развития личности, что является непреходящим условием жизнедеятельности человека. Примечательно, что ни в какой другой области деятельность человека «не регламентирована так строго, как в области языка» [Блумфилд 1968: 52]. Назвать деятельность первоосновой языковой личности — значит признать ее в качестве универсального объяснительного принципа: именно в результате языковой деятельности носитель диалекта

развивает в себе языковую личность. Близкое к понятию «языковая личность» понятие «носитель диалекта» не является его синонимом — они означают различные уровни организации языковой реальности человека. «Языковая личность» образует новое измерение «носителя диалекта» благодаря его способности совершать свою языковую деятельность свободно, самостоятельно и отчасти сознательно. Сам факт признания единства, но не тождества этих понятий, а следовательно, стоящих за ними объектов аналитического рассмотрения языковой реальности конкретного человека не только порождает задачу понять их соотношение как свойство (языковая личность) и носителя этого свойства (носитель диалекта), но и позволяет поставить некоторые проблемы их взаимоотношений, принимая в качестве исходной, к примеру, идею саморазвивающейся личности.

Свойства носителя диалекта также во многом определяются социокультурными условиями, сложившимися в деревне. На этот счет приведем следующее высказывание Н. О. Лосского: «Крестьянин живет близко к природе и получает от нее много впечатлений и знаний, мало доступных горожанину; его деятельность крайне разнообразна и меняется в зависимости от времени года и от погоды; он разводит растения на полях и в огороде, он ухаживает за животными, а в свободное время от этих работ чинит или даже мастерит орудия, необходимые для его хозяйства. Благодаря этой сложной жизни, говорит Михайловский, крестьянин обладает *всестороннею личностью* (выделено Л. В.). [Лосский 1957, I: 56]. Отсюда — такие качества личности крестьянина, как «религиозная одаренность, способность к высшим формам опыта, наблюдательность, теоретический и практический ум, творческая переимчивость, изобретательность, тонкое

восприятие красоты» [Лосский: 1957, II, 20]. Все эти свойства личности непременно проявляются в диалектной речи, а следовательно, в языковой личности носителя диалекта. Так, к примеру, любовь к красоте и способность видеть красоту природы развита и у нашего носителя диалекта, тому подтверждением — множество диалектных текстов. Приведем некоторые из них: «Как толькѣ черемуха в бело платьѣ наряжатся, тут на иѣ нападают отзимки. Несколь не жалко таку красоту нарушать?»; «После дождичья на траве слезинки блестят. Так христова дождичкю радуѣтся»; «Лазорь во всю ширь и высь. Глазом не охватишь». Условия деревни являются внешними предпосылками формирования личности. Не случайно деревню очень любил А. С. Пушкин: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю» [письмо А. А. Дельвигу из Малинников; см.: Пушкин 1979: 198]. Жизнь «по сердцу» создает открытую душу русского человека, ощущение приподнятости духа. Можно сравнить признания Пушкина и нашего информанта. «Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму» [П. А. Вяземскому из Михайловского; см.: Пушкин 1979: 167]. Из диалектной речи: «В деревне живѣшь, как шшастья ждѣшь, а в городе — как пурга в голове, дорогу ишшѣшь, как заблудилася».

Жизнь «по сердцу» в деревне способствует легкости, естественности и простоте общения между людьми, «без условностей, без внешней привитой вежливости, но с теми достоинствами вежливости, которые вытекают из чужой естественной деликатности» [Лосский 1957, II: 7]. Ср. пословицы, записанные от исследуемого носителя диалекта: «Плетеницу не плети, а добро слово скажи»; «По сердцу — слова золоты, без души — медной грош»; «Слово душевное что хлеб голодному».

Носители диалекта имеют некоторое преимущество перед носителями литературного языка. По этому факту А. М. Пешковский приводит интересное сравнение, когда говорит о различиях речи интеллигента и речи крестьянина: «Если сравнить речь с другими привычными процессами нашего организма, например, с ходьбой или дыханием, то «говорение» интеллигента будет так же отличаться от говорения крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или как дыхание факира от обычного дыхания. Но эта-то неестественность и оказывается как раз условием существования литературного наречия» [Пешковский 1959: 54]. Об этой же «неестественности» носителя литературного языка писал и Л. Блумфилд: «Единственная опасность, угрожающая говорящему — носителю литературного языка, — это искусственность речи: если он сноб, педант или если он не уверен в себе, он может заполнить свою речь (по крайней мере, когда он старается показать себя с наилучшей стороны) формами, произношение которых обусловлено написанием, и гротескными «правильными» формами» [Блумфилд 1968: 547]. Такая естественность — неестественность говорения во многом определяется формами речи, а именно, устной и письменной. Носитель диалекта (диалекта как устной формы языка) обладает долговременной и, смеем заметить, оперативной памятью (по Н. П. Бехтеревой), поэтому он способен сохранить языковую традицию и благодаря своей языковой способности приумножить ее. Носитель диалекта развивает такую способность только в речевой практике. Методом «проб и ошибок» он приобретает навыки и умения открывать в языке силу, которая пробуждает в нем самую способность творить.

Для нашего исследования существенно положение о том, что сама языковая норма — это одна из форм проявления нормативности культуры. Мы понимаем норму как коллективное установление, определяющее единообразное пользование языком. Норма снимает диалектическое противоречие между индивидуальной и социальной природой языка. Она ограничивает индивидуальный произвол в речи, обеспечивает общепонятность речи и языка. Нормами часто

неосознанно, но всегда объективно владеет любой носитель языка, в том числе носитель диалекта. «У человека из народа обыкновенно очень точное представление о своем языке; он чувствует с редкой тонкостью малейшие нарушения нормы...» [Вандриес 1937: 223]. В языковом сознании носителя диалекта присутствует языковой идеал, которого он старается всегда придерживаться: «У каждого носителя диалекта есть ощущение, что он говорит на определенном языке, имеющем известный идеал» [Вандриес 1937: 223]. Об этом же свидетельствуют и метаязыковые тексты, принадлежащие нашему информанту: «Скажешь чё-нибудь не по пути – люди засмиют»; «Слова должны быть явственны, несомнительны, не надо говорить закувыркам да задним углам».

Между носителями диалекта как бы существует естественно сложившееся молчаливое соглашение сохранять язык таким, каким он закреплен. Часто такая норма складывается в результате обычного употребления языка, которое представляет собой полную противоположность произволу. Нормы языка формируются благодаря интересу носителей диалекта, проявленному к этой форме. Интерес же определяется необходимостью взаимного понимания. Поэтому каждый носитель диалекта всегда инстинктивно сопротивляется произволу в использовании языка. Всякое отклонение от обычного употребления со стороны собеседника непременно замечается: («Слов-то у его полон зоб, и все не нашенски»), исправляется («Прозорочисто говори, без выдергу, а то «некачественны продукты,» так и говори вонь да болонь») и часто осмеивается («Вот бы, Нинка, тебя изладить в школе робить, учить говорить. Вот потехи-то было бы»). Отступление от нормы приобретает статус правила только тогда, когда многие носители диалекта склонны его допустить в своей речи, т. е. когда ошибка усваивается как норма и, следовательно, уже не воспринимается как ошибка («Шорохова нортабельна («рентабельна»), у нас все так говорят»).

Значит, система языковых и коммуникативных норм предстает в виде некоторого социокультурного пространства возможностей, в котором посредством осознанного выбора, совершаемого в условиях речевых актов, носитель диалекта строит и понимает тексты, одновременно открывая и присваивая соответствующие правила. Становясь компонентами языкового сознания, они выполняют конструктивную роль в речевой деятельности. Итак, носитель диалекта усваивает речевые образцы, чтобы удовлетворить ожидания других членов языкового коллектива и быть понятым в процессе общения, достичь наилучшего коммуникативного эффекта. Используя норму как коррелят культуры, носитель диалекта часто строит свои тексты на основе таких нормативных принципов, как простота и соразмерность, создает в своем сознании целостную языковую картину мира, которая отвечает его деструктивному и конструктивному началам, причем его лингвокреативная деятельность связана как с тем, так и с другим. Народная культура приводит носителя диалекта к тому, что среда для него оборачивается совокупностью социальных норм, которые подчиняют себе его (носителя диалекта) антропологические и языковые характеристики. Существует взаимосвязь между этими социальными нормами, присущими некой типичной личности в народной культуре, и индивидуализированного мира конкретного носителя диалекта, от которого зависит его адаптация к этим социальным нормам. Норму при этом можно понимать как такую выраженность языковых явлений, которая не мешает языковой адаптации носителя диалекта. Отклонения же от нормы обусловлены неким осознанием носителем диалекта меры, эталона, относительно которого и произошло это отклонение. Исходя из сказанного, народную культуру можно представить как систему понятий, норм, образцов, представлений, бытующих в данной среде. Будучи освоенными языковой деятельностью носителя диалекта, эти нормы «работают» на создание внутреннего содержания языковой личности. Благодаря своим личностным качествам носитель диалекта, ориенти-

руясь на то, что задано, предписано ему социокультурной средой диалекта, может сам сознательно выбирать и строить свое речевое поведение, может создавать в себе языковую личность. Значит, языковая личность носителя диалекта — это носитель диалекта, свободно определившийся, выработавший свой индивидуальный стиль языковой деятельности в социокультурном пространстве деревни (диалекта). Речевая деятельность языковой личности носителя диалекта ориентирована на речь других людей, на нормы и ценности крестьянской жизни, которые предрасполагают его (носителя диалекта) к определенному выбору языковых средств. Личностная характеристика носителя диалекта, имеющая исходный уровень социокультурной жизни крестьянина, обеспечивается благодаря особым личностным «приобретениям» и основанному на собственном опыте владению языком. Поэтому исследуемую личность можно назвать эмпирической языковой личностью, т. е. языковой личностью, основывающейся на опыте.

Индивидуальность, реализуемая в идиолекте, приобретает для носителя диалекта ценностную ориентацию в языке и речевой деятельности. Опираясь на систему представлений о языке, носитель диалекта строит свою речевую деятельность, общепонятную членам коллектива. Значит, языковая личность носителя диалекта — это не что иное, как индивидуализированная система народной культуры, в которую она включается в процессе своей речевой деятельности. Речевая индивидуальность носителя диалекта представляется нам как самореализуемая и саморазвивающаяся многоуровневая система, являющаяся основанием для индивидуального языка языковой личности.

При рассмотрении структуры языковой личности носителя диалекта возникает проблема, в соответствии с которой ее необходимо охарактеризовать во взаимосвязи интер-, интра- и метаиндивидуальных характеристик. Обращение к интериндивидуальной репрезентации языковой личности позволяет рассматривать речевую деятельность носителя диалекта как опосредованную содержанием и ценностями, сложившимися в диалекте, откуда носитель диалекта получает все необходимое для удовлетворения потребности быть полноценной языковой личностью и для развития своих языковых способностей. Диалект создают множество его носителей, поэтому индивидуальное может выступать как диалектное, а диалектное как индивидуальное. Метаиндивидуальное представление языковой личности носителя диалекта складывается из индивидуальной репрезентации языковой (речевой) деятельности. Потребность в реализации себя как языковой личности является глубинной и часто не осознанной необходимостью носителя диалекта. Определяющей чертой такой потребности является способность носителя диалекта к словотворчеству, в котором происходит выражение личностных смыслов.

Интраиндивидуальная реализация носителя диалекта как языковой личности опосредует связь метаиндивидуальных способностей и интериндивидуальных, что объясняется описанием отличительных языковых свойств не только конкретного человека, но и очерченного диалектного континуума. Наличие внутренней связи между различными параметрами языковой личности носителя диалекта очевидна. Представление о потребности и способности носителя диалекта быть языковой личностью обуславливает понимание свойств языковой личности, механизма ее стабильности, определяющего переход языковой личности носителя диалекта от одного уровня к другому, например, от уровня выбора слова к лингвокреативному уровню. Возможности же развития языковой личности находятся в диалекте, обеспечивающем саморазвитие носителя диалекта.

Для каждого человека его система личностных смыслов определяет индивидуальный вариант языковой ориентации. Языковое сознание создает ценностные ориентиры, которые складываются у него в его языковом опыте и которые он проецирует в своей речи. Это прежде всего касается образности речи, ибо

«подлинная сущность человека не может раскрыться в реальности» [Лотман 1992: 236]. «Подлинная сущность» говорящего раскрывается в образности. Эту мысль легко доказать на примере различных текстов, в частности, на примере художественных текстов (можно смело сказать, что ни одна работа по языку художественного текста не обходится без анализа образности), на примере текстов разговорной речи (см. «Русская разговорная речь», 1983), на примере газетных текстов [Майданова 1987]. Исследуемый идиолект обладает высокой степенью образности. В диалектной речи исследуемого информанта употребляется более 10 видов тропов и фигур речи: метафора, сравнение, метонимия, гиперболла, литота, олицетворение, перифраза, аллегория, эпитет, синтаксические и акустические тропы. Наиболее часто употребляющимися являются: метафора, сравнение, метонимия, среди них достаточно много индивидуальных, например, «**Как коршун трепишный я в этой шубе**» (сравнение); «**За бриту башку взамуж вышла, дак топеря кукуй**» («вышла замуж за солдата»; метонимия); «**День-от вон чё насупился**» (о пасмурном дне, метафора).

Идиолект неизбежно включается в общий процесс функционирования диалекта: в этом случае носитель диалекта, наследуя народную традицию, творчески ее преобразует. Тем самым индивидуальное развитие носителя диалекта оказывается включенным в процесс развития диалекта, при этом происходит реализация потенциальных возможностей диалекта, процессы интериоризации (термин П. Я. Гальперина) языковой/речевой деятельности носителя диалекта.

Признавая индивидуальный язык реально действующей диалектной системой, мы попытались показать, что носитель диалекта 342 своим языкотворческим процессе не только заполняет пустые клетки языковой системы; но и действует за пределами этой системы. Он создает новые смыслы, необходимые речевой ситуации, поскольку «содержание мысли больше, чем шаблонно-узусальные возможности языка» [Жинкин 1964: 36]. Инновации не нарушают механизма диалекта, а выражают возможности, заложенные в существующем языке, так как они действуют на фоне установленных норм, поэтому их можно считать частично мотивированными. Носитель диалекта подчинен действию языковых моделей, не осознавая этого. Столкновение с системой происходит тогда, когда эта мотивированная форма употребляется вместо узусального слова. В это время и нарушается равновесие диалектной системы, в основном ее лексического уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева Н. П. Нейрофизиологические механизмы мышления. Л.: Наука, 1985. 272 с.
2. Блинова О. И. Языковое сознание и вопросы мотивации // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 122–126.
3. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 607 с.
4. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Госсозэконом, 1937. 410 с.
5. Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 88–101.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
7. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
8. Лосский Н. О. Характер русского народа. 1–2 кн. М.: Посев, 1957.
9. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: 1992. 271 с.
10. Майданова Л. М. Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма. Красноярск, 1987. 179 с.
11. Никитина С. Е. Языковое сознание и самопознание личности в народной культуре // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 34–40.
12. Пауфощима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 41–48.
13. Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. 252 с.
14. Пушкин А. А. Полн. собр. соч. Т. 10. Письма. Л.: Наука, 1979.
15. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука. 239 с.
16. Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971. 141 с.
17. Торопцев И. С. Язык и речь. Воронеж: ВГУ, 1985. 199 с.
18. Щедровицкий Г. П. Проблемы построения системной теории сложного «популярного» объекта // Системные исследования. М., 1975.